

Бурыкин А.Н.,
кандидат экономических наук,
burykinsfamily@bk.ru
г. Южно-Сахалинск

Особенности жизнестратегии и самосознания человека и общества при тоталитарном управлении

Понятие «тоталитаризм» было введено в политический оборот Муссолини, использовавшим терминологию итальянского философа Джентиле, который исходил из того, что нет никаких пределов государственному вмешательству в личную жизнь людей. Такое управление Э. Фромм называет *отчужденно-бюрократическим*. Отчужденно-бюрократическое управление Э. Фромм характеризует следующим образом:

- это однонаправленная система: приказы, предложения, планы исходят с верху пирамиды и направляются к низу. Индивидуальной инициативе нет места. Личности – это случаи;
- бюрократическая система является безответственной в том смысле, что не «отвечает» на нужды, взгляды, запросы индивида. Безответственность ее тесно связана с характеристикой человека как случая, становящегося «объектом» бюрократии. Нельзя отвечать на запросы *случая*, но можно – на запросы личности;
- безответственность бюрократа имеет еще один аспект, бывший в течение долгого времени признаком бюрократии. Чувствуя себя частью бюрократической машины, бюрократ чаще всего не хочет брать ответственность на себя, то есть не хочет принимать решений, за которые его можно было бы критиковать. Он старается избегать принятия любых решений, коль скоро они не сформулированы ясно соответствующими правилами, а при наличии сомнений он отсылает человека к другому бюрократу, который в свою очередь делает то же самое;
- наша бюрократическая система дает индивиду почувствовать, что он ничего не может ни предпринять, ни организовать без помощи бюрократической машины. В результате она парализует инициативу и порождает глубокое чувство бессилия.[1]

Основная черта, характеризующая отчужденно-бюрократическое управление – это положение человека – винтика данной системы. В то время как гуманистическое управление характеризуется тем, что индивидуальный участник отстаивает свои права перед управляющими, обстоятельствами и машинами и перестает быть бессильной частичкой, не принимающей активного участия в процессе. Только благодаря подобному утверждению своей воли можно высвободить энергию индивида и восстановить его душевное равновесие; в то время как у отчужденной бюрократии вся власть нисходит сверху вниз, в гуманистическом управлении это улица с двусторонним движением; «объекты» принятого наверху решения реагируют в соответствии с

собственной волей и озабоченностью; их ответ не только достигает вершины пирамиды принимающих решения, но и заставляет их реагировать в свою очередь. «Объекты» принятия решений имеют право бросить вызов принимающим решения.[2]

К. Поппер в работе «Открытое общество и его враги» трактует тоталитаризм как явление, присущее всей истории человечества. Он делит общества на:

- «закрытые» – это коллективистские, племенные общества;
- «открытые» – в которых произошел отказ от коллективизма и индивид вынужден сам принимать решения: «В дальнейшем магическое, племенное или коллективистское общество мы будем именовать *закрытым обществом*, а общество, в котором индивидуумы вынуждены принимать личные решения, – *открытым обществом*».[3] К. Поппер, говоря о закрытом и открытом обществах, обозначает переход от закрытого к открытому обществу как величайшую революцию в судьбах человечества, в результате которой происходит «перенапряжение цивилизации».[4] Тоталитаризм он рассматривает как возврат к «закрытому обществу», как новый племенной дух, а истоки тоталитаризма проявились еще в трудах Платона, который говорил, что справедливым является то, что полезно государству. К. Поппер вводит термин социальная инженерия, при помощи которой пытаются власти осчастливить народ, что ведет к опасной догматической приверженности схеме, во имя которой приносятся многочисленные жертвы. Социальной инженерии он противопоставляет постепенную инженерию, которая стремится постепенно облегчить страдания этого народа.

Ханна Арендт[5] в книге «Истоки тоталитаризма» приводит еще одну черту тоталитаризма – поддержка широких масс. Это происходит в результате превращения классов в массы. Масса стала возможной в результате искоренения всякой групповой солидарности и наличия аморфной структуры общества. Масса требует тоталитарного вождя, который мало чем отличается от прежних вожаков толпы. Вождь и толпа зависят друг от друга, вождь без масс никто, масса без него бесформенная, рыхлая орда. Причины, которые привели народ к массе, Х. Арендт видит в крушении социальных институтов и социальных традиций в XX в., в потере широкими массами почвы под ногами, в ощущении своей ненужности. Власть вождей основана на создании выдуманного мира, способного конкурировать с реальным, в который верит масса, и крушение этого мира возвращает массу к прежнему состоянию одиноких индивидов.

В. Шкуратов определяет тоталитаризм как абсолютную власть групп людей, партий, отдельных политических институтов в индустриальных обществах XX в. и называет общие черты:

- а) культ народных вождей;
- б) разрастание аппарата репрессий,
- в) централизованное стягивание ресурсов нации для державных задач и планов;

г) контроль над частной жизнью человека, замена последней общественно-политическими целями режима. «В некоторых формах и фазах тоталитаризм полностью деструктивен. Он организует большую индустрию смерти: армию и военную промышленность, концлагеря, фабрики уничтожения людей. Над реальными экономическими преобразованиями нависает избыточность утопии, проект тотального переустройства человечества. Тоталитарная рациональность оказывается здесь совершенно иррациональной».[6] Тоталитарный режим самоопределяется как инструмент дальней цели: создания совершенного человеческого устройства. Этой цели должно быть подчинено все, в том числе частная жизнь граждан (которая сама по себе является объектом показательного совершенствования). На деле идеологические лозунги покрывают мелкое политиканство и потребности текущего управления страной. Реальным историческим делом коммунистических режимов СССР, Центральной Европы и Азии стала ускоренная индустриализация, проведенная с громадной расточительной тратой человеческих и природных ресурсов.[7]

Говоря о положении личности в системе тоталитарного управления, В. Шкуратов отмечает прямое воздействие на конкретного человека. Если при *либерально-демократическом управлении* между государством и личностью существуют институты церкви, семьи, негосударственное образование и экономика, другие микросоциальные образования, при *авторитарном режиме* верховный правитель считается с корпорациями и сословиями, которые имеют собственные юридические или традиционные установления, подобия органов власти, корпоративно-сословная личность тесно включена в свою среду и мало общается за ее пределами, *тоталитаризм* не просто централизует власть и сводит ее в репрессивно-идеологический кулак, он последовательно ломает и подчиняет себе микросоциальную среду личности, ничто больше не заслоняет человека от власти: коллеги, знакомые, родственники должны стать пропагандистами или соглядатаями режима.[8]

Тоталитарный контроль за мыслями порождает массивный слой «политического бессознательного»: сомнений, опасных мыслей, отрицательных эмоций, в которых нельзя признаться другим и даже себе. Создается цепочка внутренней цензуры: кое-что можно обсуждать с наиболее близкими людьми, кое о чем думать про себя, кое о чем помыслить страшно. Некоторые социальные мыслители усматривали в тоталитаризме тупиковый исход рационализации, отбросившей идею личной свободы». Тоталитарный режим самоопределяется как инструмент дальней цели: создания совершенного человеческого устройства. Этой цели должно быть подчинено все, в том числе частная жизнь граждан (которая сама по себе является объектом показательного совершенствования). На деле идеологические лозунги покрывают мелкое политиканство и потребности текущего управления страной. Реальным историческим делом коммунистических режимов СССР, Центральной Европы и Азии стала ускоренная индустриализация, проведенная с громадной расточительной тратой человеческих и природных ресурсов».[9]

В работе «Демократия и тоталитаризм» Р. Арон называет пять признаков тоталитаризма:

1. Тоталитаризм возникает в режиме, предоставляющем какой-то одной партии монопольное право на политическую деятельность;

2. Эта партия имеет на вооружении (или в качестве знамени) идеологию, которой она придает статус единственного авторитета, а в дальнейшем – и официальной государственной истины;

3. Для распространения официальной истины государство наделяет себя исключительным правом на силовое воздействие и на средства убеждения. Государство и его представители руководят всеми средствами массовой информации – радио, телевидением, печатью;

4. Большинство видов экономической и профессиональной деятельности находится в подчинении государства и становится его частью. Поскольку государство неотделимо от своей идеологии, то почти на все виды деятельности накладывает свой отпечаток официальная истина;

5. В связи с тем, что любая деятельность стала государственной и подчиненной идеологии, любое прегрешение в хозяйственной или профессиональной сфере сразу же превращается в прегрешение идеологическое. Результат – политизация, идеологизация всех возможных прегрешений отдельного человека и, как заключительный аккорд, террор, одновременно полицейский и идеологический. Р. Арон считает, что нет какой-то одной или двух ведущих черт тоталитарной системы. Она возникает при условии существования всех черт.[10]

В.С. Нерсисянц, характеризуя период сталинизма, называет черты тоталитаризма, которые он связывает с отсутствием государства в привычном смысле слова.[11] «Этот тоталитаризм означает по сути дела отсутствие государства, насильственно-революционное разрушение государственности и ее замену системой экстраординарных учреждений партийно-политической диктатуры... Тоталитарная диктатура так же не была государством, как и ее командно-приказные акты и требования (нормы) не были правом».[12] Право определялось как форма выражения насилия, вместо законов действовали приказы – указное право.

Э. Канетти, характеризуя тоталитарное управление, говорит о массе, которая стала основой такого управления, и анализирует причины появления такого состояния человека в XX веке. При определении массы за исходный пункт он берет психологический момент – страх человека перед прикосновением с другим. Человек старается держаться от других людей на некотором расстоянии, дистанцироваться от них. В массе же этот страх прикосновения снимается, все дистанции перестают существовать. Стоит однажды почувствовать себя частицей массы, как человек перестает бояться соприкосновения, он ощущает себя равным другому. Все различия, в том числе и различия пола, как бы перестают существовать. Более того, масса предстает как примитивная форма защиты от смерти. В тесноте, когда между людьми уже нет расстояния, каждый ощущает другого как самого себя, что приносит ему огромное облегчение. Ради этого люди и соединяются в массы.[13]

Итак, тоталитарное управление превращает личность в объект, средство для достижения собственных целей – власть ради власти, которая опира-

ется на безликую массу (толпу), прибегает к террору, указному праву, разрушает культуру (господствует идеология), семью, личность, частную жизнь.

Проблему тоталитаризма автор объединяет с человеком, который находится в сфере тоталитарного управления. Человек породил данную систему, и система сформировала человека. Социологи и философы описывают и анализируют то, что произошло с человеком в XX веке, что стало основой для того, чтобы тоталитаризм стал возможен. Говоря о социальной структуре, сложившейся в тоталитарном государстве, можно сослаться на О. Шпенглера, который отметил, что в XIX веке сложилось четвертое сословие – масса и именно она пришла к власти в XX веке. Кроме слова «масса» для определения особенности социальной структуры используется слово «толпа».

Х. Ортега-и-Гассет говорит о том, что в XX веке к власти пришел человек, не знакомый с принципами управления: «Все прошлые цивилизации погибали по причине недостаточной обоснованности своих принципов, похоже, что европейской цивилизации грозит противоположное. Теперь уже сам человек не успевает шагать в ногу с прогрессом, по пути которого неуклонно следует цивилизация. Цивилизован мир, но не человек, живущий в нем; он даже не замечает того, что живет в цивилизованном мире, пользуясь дарами цивилизации, как пользуются природными дарами. ...Бразды правления в обществе взяли в свои руки люди, незнакомые с принципами развития цивилизации».[14] Х. Ортега-и-Гассет называет характерные черты такого человека. Он вводит термин человек-масса для характеристики тоталитарного человека, который не способен понять принципы, на которых держится цивилизация; толпа навязывает свое право на вульгарность и провозглашает вульгарность как право. Автор вводит понятие герметичность души для характеристики среднего человека, отмечая неспособность его внимать чужому мнению и подчиняться: «В этом случае – интеллектуальная герметичность. Человек чувствует, что в него заложено некое количество идей. И он удовлетворяется этим, считая, что в интеллектуальном плане уже ни к чему стремиться не надо. Поскольку он не чувствует необходимости узнать что-то новое, не имеющее к нему прямого отношения, он тем самым замыкается в себе, вынужденный вновь и вновь – обращаться к тем же идеям, – вот вам весь механизм герметизации души».[15] Говоря об уровне его воспитания и образования, автор отмечает радикальную неблагодарность человека по отношению к тому, что сделало возможным его существование; перед человеком – массой исчезли преграды; этот человек потерял способность оценивать собственные силы и поэтому не обращается ни к каким авторитетом, кроме собственного; человек, принадлежащий к избранному меньшинству, требует от себя очень много, человек толпы ничего от себя не требует, а удовлетворяется тем, что имеет, и сам собой доволен; «Человек-масса чувствует себя совершенным во всех отношениях. Человек избранного меньшинства, для того чтобы чувствовать себя совершенным, должен быть очень тщеславным. Уверенность в своем совершенстве не составляет его сути, как у человека-массы. У человека избранного эта уверенность основывается на тщеславии, и даже ему самому она кажется чем-то надуманным, нереальным и сомнительным.

Поэтому тщеславный человек нуждается в окружающих, ищет в них подтверждения того представления, которое сложилось у него о самом себе».[16] Человек-масса умен, но не использует своего интеллекта. Масса отрицает существование с кем-либо, кроме нее самой, – ее питает смертельная ненависть ко всем, кто к ней не принадлежит.[17]

Х. Аренд, анализируя причины появления тоталитарного государства, использует понятие «толпа» для определения того, что произошло с народом в XX веке и не считает ее ни народом, ни рабочим классом, а называет их «отбросами» всех классов. Она констатирует их глубокую безответственность, поддержку ими диктатора. Толпа является не только частью общества, но и порождением его. Породили толпу нестабильность, вызванная первой мировой войной и страданиями, связанными с войной, разрушения общепринятых норм и правил. Война привела к распаду классов и превращению их в массу, так как человек во время войны стал винтиком военной машины, массовых военных событий и стремился быть анонимным, безликим, незаметным. После войны появилось много людей, выброшенных из своих стран, потерявших гражданство, отколовшихся от своей нации, культуры, не имеющих корней. Поэтому у них не было чувство гражданственности, принадлежности государству. «Парадокс, заключенный в потере человеческих прав, таков, что эта потеря тотчас же сопровождается превращением человека в биологическую особь, в человека вообще – без профессии, без гражданства, без мнения, без дела, по которым можно узнать и выделить самого себя из себе подобных... при отнятой возможности выразиться внутри некоего общечеловеческого мира и воздействовать на него... опасность в том, что мировая всеохватывающая цивилизация может порождать варваров из самой себя, вынуждая миллионы людей жить в условиях, которые вопреки видимости суть условия для дикарей»[18]. Послевоенное время еще более усугубило ситуацию в связи с разразившемся экономическим кризисом. Безработица, сопровождающая экономический кризис, сделала миллионы людей экономически лишними социально обременительными. В связи с таким положением права человека не имели политическим и экономических гарантий и потеряли свою значимость. Именно такая ситуация вела, по мнению Х. Аренд к порождению огромного количества живых трупов и самой возможности концлагерей с их «безумным массовым производством трупов».[19]

В. Шкуратов описывает, что происходит с личностью как психолог: «Тоталитаризм не просто централизует власть и сводит ее в репрессивно-идеологический кулак. Он последовательно ломает и подчиняет себе микро-социальную среду личности. Ничто не должно заслонять человека от власти: коллеги, знакомые, родственники должны стать пропагандистами или соглядатаями режима».[20] Человек в результате контроля за его мыслями со стороны власти приобретает то, что В. Шкуратов называет слой «политического бессознательного»: сомнений, опасных мыслей, отрицательных эмоций, в которых нельзя признаться другим и даже себе. Создается цепочка внутренней цензуры: кое-что можно обсуждать с наиболее близкими людьми, кое о чем думать про себя, кое о чем помыслить страшно. Некоторые социальные мыс-

лителю усматривали в тоталитаризме тупиковый исход рационализации, отбросившей идею личной свободы.[21]

Беттельгейм Б. в работе «О психологической привлекательности тоталитаризма» поднимает тему семьи и отношений в семье при тоталитарном управлении в государстве. Когда тоталитарный режим ежедневно ставит перед человеком дилемму: либо исполнение, либо риск собственной жизнью, человек, подчиняясь против своих убеждений, начинает ненавидеть себя. Этот внутренний конфликт приводит к осознанию того, что человек, труся, предаёт сам себя. «Режим, нимало не трогаясь их ненавистью, продолжал себе существовать, тогда, как они по-настоящему мучились невозможностью примирить явное поведение и скрытые ценности; тем самым режим оказывался разрушительным для их целостности, а также – поскольку они поступали вопреки убеждениям – и для их уважения к себе. И самоуважение, и целостность личности – это, подчеркну, единственные психологические опорки, которые способны поддерживать нас, давая силу жить в мире, постоянно угрожающем уничтожением».[22] Очень важная тема, которую поднимает автор – это семья и дети в системе тоталитарного управления. Человек думающий и идущий против системы не находил избавления от ситуации и в семье. Дети быстро и легко поддавались тоталитарной идеологии, а те, кто был из семьи противников режима, попадали в «трудный конфликт между приверженностью родителям и обязанностями по отношению к государству, которое учило их, что выдать изменника – долг каждого. Подобные конфликты мучили ребенка, и он начинал ненавидеть всех, кто вверг его в такие психологические тупики. Рано или поздно ребенок озлоблялся против политических убеждений родителей, если не против них самих, ведь именно они создавали для него все эти проблемы».[23]

Бодрийар Ж. в работе «В тени молчаливого большинства, или конец социального» говорит о массе как о народе, в котором угасла социальная энергия: «Масса является массой только потому, что ее социальная энергия уже угасла. Это зона холода, способная поглотить и нейтрализовать любую действительную активность».[24] Привыкшая подчиняться, масса становится неуправляемой в силу того, что она потеряла энергию. Она теперь не является ни субъектом, ни объектом, так как не способна быть носителем автономного сознания. Любое воздействие на массу, попадая в поле ее тяготения, начинает двигаться по кругу: оно проходит стадии поглощения, отклонения и нового поглощения.[25] Власть, подавляя массы, считали, что так ими будет легче управлять, но произошло противоположное управляемости масс явление: безразличие масс, которое она активно поддерживала, предвещает ее крах. «От масс постоянно требуют, чтобы они подали свой голос, им навязывают социальность избирательных кампаний, профсоюзных акций, сексуальных отношений, контроля за руководством, празднований, свободного выражения мнений и т. д. Молчание масс, безмолвие молчаливого большинства – вот единственная подлинная проблема современности».[26] Конец социального означает распад структуры общества и превращение его в аморфную, неуправляемую, ко всему равнодушную массу.

Тоталитарный режим привел к отчуждению человека от труда. П. К. Кеннеди в книге «Вступая в двадцать первый век» отмечает, что жалкие потребительские товары, ужасающие жилищные условия и убогое здравоохранение являли собой каждодневное опровержение заявлениям режима о превосходстве системы, что привело, в конце концов, к широкому отчуждению не только от тяжелого и нудного повседневного труда, к отсутствию мотиваций к труду на предприятиях и в учреждениях, к утрате гордости за свою работу.[27] Отчуждение человека, возникающее из-за жестоких репрессий, приводит к циничному отношению к политике, к замкнутости человека в самом себе и своих мыслях, к нежеланию что-либо изменить.[28]

Г. Маркузе современное состояние человека, который вышел из «Государства Благосостояния и Государства Войны» в обществе тотальной мобилизации, называет *продуктивным гибридом* и констатирует появление «нового общества», в котором традиционные очаги опасности здесь стерилизованы или изолированы, а подрывные элементы взяты под контроль.[29]

Т. Адорно в книге «Исследование авторитарной личности» характеризует тоталитарную личность как склонную к подчинению: «Индивид только тогда может осуществить собственное социальное приспособление, если ему по душе послушание и подчинение; садомазохистская структура желаний является поэтому и тем и другим, и условием и результатом общественного приспособления. В нашей общественной форме находят удовлетворение как садистские, так и мазохистские склонности».[30]

Э. Фромм в работе «Бегство от свободы» ставит вопрос не только о том, как и почему фашизм нашел такую поддержку в массах, но и, как и почему специфические силы человеческой энергии воздействуют на социальные процессы, формируют их, определяют специфику их проявления. Человек должен принадлежать к какой-либо общности, без которой у него возникает чувство ничтожности. «Человек должен иметь возможность отнести себя к какой-то системе, которая направляла бы его жизнь и придавала ей смысл; в противном случае его переполняют сомнения, которые, в конечном счете, парализуют его способность действовать, а значит, и жить».[31] Человек стремится к подчинению, уничтожая собственное «Я», порой представляет собой попытку «превратиться в часть большего и сильнеешего целого, попытка раствориться во внешней силе и стать ее частицей... Индивид целиком отрекается от себя... от собственной свободы, но при этом обретает новую уверенность и новую гордость в своей причастности к той силе, к которой он теперь может себя причислить».[32] Но наряду со стремлением к подчинению человек стремится и к господству, к власти. Жажда власти и ее оправдание достигли в XX веке невероятных размеров.

Примечания:

- 1 См. Фромм, Э. Психоанализ и этика. – М.: ООО “Издательство АСТ-ЛТД”, 1998 . – С. 394-399.
- 2 См. Фромм Э. Ук. соч. – С. 394–399.
- 3 Поппер, К. Р. Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона. Пер. с англ. под ред. В. Н. Садовского. – М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – С. 219.
- 4 Поппер, К. Р. Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона. Пер. с англ. под ред. В. Н. Садовского. — М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – С. 222.
- 5 См. Arendt, H. The origins of Totalitarianism. /H. Arendt. – New York: “A Harvest book”, 2008. – P. 308. (перевод автора – А.Б.).
- 6 Шкуратов, В. А. Историческая психология. /В. А. Шкуратов. /Учебное пособие. Изд. 2 – М.: Смысл, 1997. – С. 322–323.
- 7 Шкуратов, В. А. Историческая психология. /В. А. Шкуратов. /Учебное пособие. Изд. 2 – М.: Смысл, 1997. – С. 322–323.
- 8 Шкуратов, В. А. Историческая психология. /В. А. Шкуратов. /Учебное пособие. Изд. 2 – М.: Смысл, 1997. – С. 323.
- 9 Шкуратов, В. А. Историческая психология. /В. А. Шкуратов. – М.: Смысл, 1997. – С. 323.
- 10 Арон, Р. Демократия и тоталитаризм. – М.: Издательство Текст, 1993. – 303 с.
http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Aron/15.php. – гл. 15.
- 11 Нерсесянц, В.С. Философия права. – М.: Издательская группа ИНФРА*М – НОРМА, 1997. – С. 291.
- 12 Нерсесянц, В.С. Философия права. – М.: Издательская группа ИНФРА*М – НОРМА, 1997. – С. 291.
- 13 Канетти, Э. Масса и власть. [Электронный ресурс] /Э. Канетти. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Kanett/index.php
- 14 Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс. /Х.Ортега-и-Гассет. – М.: ООО “Издательство АСТ”, 2001. – С. 60.
- 15 Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс. /Х.Ортега-и-Гассет. – М.: ООО “Издательство АСТ”, 2001. – С. 61.
- 16 Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс. /Х.Ортега-и-Гассет. – М.: ООО “Издательство АСТ”, 2001. – С. 60.
- 17 Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс. /Х.Ортега-и-Гассет. – М.: ООО “Издательство АСТ”, 2001. – С. 60.
- 18 См. Arendt, H. The origins of Totalitarianism. /H. Arendt. – New York: “A Harvest book”, 2008. – P. 311. (перевод автора – А.Б.).
- 19 См. Arendt, H. The origins of Totalitarianism. /H. Arendt. – New York: “A Harvest book”, 2008. – P. 308. (перевод автора – А.Б.).
- 20 Шкуратов, В. А. Историческая психология. /В. А. Шкуратов. – М.: Смысл, 1997. – С. 322.
- 21 См. Шкуратов, В. А. Историческая психология. /В. А. Шкуратов. – М.: Смысл, 1997. – С. 322-323.
- 22 Беттельгейм, Б. О психологической привлекательности тоталитаризма //“ЗНАНИЕ-СИЛА”. – 1997. – № 8. – С.
- 23 Беттельгейм, Б. О психологической привлекательности тоталитаризма //“ЗНАНИЕ-СИЛА”. – 1997. – № 8. – С.
- 24 Бодрийар, Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального.– Издание осуществлено в рамках программы Пушкин при поддержке Министерства иностранных

-
- дел Франции и Посольства Франции в России. Издательство Уральского университета, 2000.– С. 33.
- 25 См. Бодрийар, Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального.– Издание осуществлено в рамках программы Пушкин при поддержке Министерства иностранных дел Франции и Посольства Франции в России. Издательство Уральского университета, 2000. – С. 37.
- 26 См. Бодрийар, Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального.– Издание осуществлено в рамках программы Пушкин при поддержке Министерства иностранных дел Франции и Посольства Франции в России. Издательство Уральского университета, 2000. – С. 31.
- 27 См. Кеннеди П.К. Вступая в двадцать первый век: Пер. с англ./ Предисл. В. Согрина. — М.: Издательство «Весь Мир», 1997. – С. 280.
- 28 Кеннеди П. К. Вступая в двадцать первый век: Пер. с англ./ Предисл. В. Согрина. — М.: Издательство «Весь Мир», 1997. – С. 280.
- 29 См. Маркузе, Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе; Пер. с англ., послесл., примеч. А.А. Юдина; Сост., предисл. В.Ю. Кузнецова.– М: ООО "Издательство АСТ", 2002. – 526 с.
- 30 Адорно, Т. Исследование авторитарной личности. Под общей редакцией д. филос. н. В. П. Култыгина. – М.; Серебряные нити, 2001. – С. 281.
- 31 Фромм, Э. Догмат о Христе. /Э.Фромм. – Москва: Олимп, ООО “Издательство АСТ-ЛТД”, 1998. – С. 197.
- 32 Фромм, Э. Догмат о Христе. /Э.Фромм. – Москва: Олимп, ООО “Издательство АСТ-ЛТД”, 1998. – С. 203.